Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. Отецъ мой простой крестьянинъ—маляръ. Малярному ремеслу онъ былъ обученъ по приказанію помѣщика М. который и держалъ его при своемъ дворѣ для исполненія различныхъ малярныхъ работъ. Находясь при малярахъ изъ интеллигентовъ, отецъ мой самоучкою выучился читать, а также началъ и писать «по друкованому», (т. е. по печатному) не скорописью, а вязью. Онъ былъ единственнымъ грамотѣемъ изъ мужиковъ въ своемъ родномъ селѣ С., и когда крѣпостное иго миновалось, то отецъ въ свои записки внесъ много памятныхъ эпизодовъ изъ временъ крѣпостничества, которыхъ онъ былъ очевидцемъ; къ сожалѣнію, записки эти сгорѣли, и я не могу припомнить всего, что въ нихъ заключалось; помню только отдѣльные эпизоды, одинъ изъ которыхъ и постараюсь воспроизвести въ такомъ-же видѣ, въ какомъ я находилъ ихъ въ запискахъ отца...

«Былъ у насъ Соловьевкѣ коммисаръ» (управляющій) панъ Мутусевичъ, который *о невозможномъ* всегда высказывался съ иронією, говоря простымъ хохлацкимъ языкомъ: «ну, лышень, скажы мени, що то таке за *«не можна»*?.. Хотивъ бы я знаты, якее воно тее «не можна»?.. Колыбъ мени ёго побачыты»!.. Чтобы испытать *возможность невозможнаго*, панъ Мутусевичъ заставляетъ «осавулу» [1]) чтобы сѣкъ «хлопа» розгами за то, что не вышелъ на барщину еще до восхода солнца (это лѣтомъ то, когда солнце восходитъ въ 4 часа); причемъ отдаетъ приказъ, чтобы сѣченный самъ считалъ удары розокъ и не выкатывался изъ черты, проведенной паномъ Мутусевичемъ по песку вокругъ его несчастнаго тѣла.

— Ой панычыку! Та це жъ такъ не можна! взмолится бѣдный «хлопъ», напередъ зная, что если его не попридержатъ, такъ онъ не вынесетъ адской боли и выкатится изъ проклятой черты такъ-же, какъ выкатывались изъ таковой Игнатъ, Семенъ, Терешко и многіе другіе. А выкатится онъ изъ черты, то и позабудетъ счетъ ударовъ розгами, которыхъ назначено ему цѣлыхъ сто; а коли позабудетъ счетъ или же выкатится изъ черты, то полученные имъ удары не пойдутъ въ счетъ, а вновь начнется сѣченье и пойдетъ новый счетъ ударовъ.

— Не можна,—кажешъ ты?... А ну, ну, побачымъ, що то за не можна?!... замѣчаетъ панъ Мутусевичъ съ иронією на мольбы «хлопа» и велитъ «осавулѣ» начинать сѣченіе.

[1]) Осавула—досмотрщикъ при экономическихъ работахъ. *Авт.*

Боясь, какъ бы не потерять счета ударовъ и не выкатиться изъ черты, бѣдный «хлопъ» грызетъ зубами землю и дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не пошелохнуться подъ ударами розогъ. Тѣло «хлопа» только судорожно вздрагиваетъ, но не движется, сдерживаемое крѣпкою волею страдальца; подъ мученикомъ образовывается лужа его собственной крови, которая заливаетъ даже проклятую черту, сдѣланную суковатою палкою пана Мутусевича, но истязуемый лежитъ безмолвно: ни криковъ, ни вздоховъ не услышитъ палачъ изъ устъ этого *мученика барства*; удары розогъ несчастный считаетъ мысленно, съ невыразимою твердостію и терпѣніемъ перенося жестокую пытку сквозь свистъ розогъ. Вдругъ до слуха страдальца долетаетъ возгласъ пана Мутусевича, обращенный къ «осавулѣ»: а ну-но зачекай трошечкы! Истязаніе прерывается.

— А ну, лышень, скажы: скилькы вже разъ осавула махнувъ ризкою?—спрашиваетъ панъ Мутусевичъ у своей жертвы.

—Девятдесятъ ще й симъ!—слѣдуетъ хладнокровный отвѣтъ сѣченнаго.

— Вгадавъ!... Вирно!...

— Ну, Терешку, дай ёму ще тры ризкы, да й годи...,—приказываетъ панъ Мутусевичъ «осавулѣ», закуривая «гаванскую цыгару».

Получивъ остальные три удара, «хлопъ» встаетъ, приводитъ себя въ порядокъ, и затѣмъ кланяется пану Мутусевичу до земли и благодаритъ «за науку».

— Выбачай, мій голубе, мало за що!...—слѣдуетъ отвѣтъ пана Мутусевича; при чемъ онъ не забываетъ сказать: «А бачъ, ты жъ казавъ що «не можна», а отъ же й можна!... Я не знаю що то таке за «не можна», яке то воно? Колы бъ мени ёго побачыты»...

—

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ подобной звѣрской расправы пана Мутусевича; раздался наконецъ вожделѣнный для крестьянъ голосъ царскаго манифеста: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ»... Для крестьянъ настали дни радостей, миновалъ страхъ передъ панами. Въ былое время крѣпостничества крестьянинъ далеко еще снималъ шапку передъ всякимъ паномъ и шляхтичемъ, съ чувствомъ страха и уваженія снималъ онъ таковую и долго держалъ ее въ рукахъ, пока не удалится отъ него панъ или шляхтичъ; съ наступленіемъ же дней свободы, онъ пересталъ снимать шапку передъ паномъ, пересталъ ему кланяться, началъ даже при немъ

курить свою глиняную трубку. При видѣ такой перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ бывшимъ властелинамъ, панъ Мутусевичъ воскликнулъ:

— Ну, ажъ теперъ я знаю що то за «не можна»!... Колы вже й передо мною не скыдають шапкы, то значыть: «не можна»!...

И сказавши это, панъ Матусевичъ поникъ головою и прошепталъ: Przepadla Polska!... Причемъ въ умѣ у него отразился отзвукъ «хлопской пѣсни», въ которой поется про то, какъ мужикъ сталъ учить чванливую шляхту тому, что нужно уважать въ человѣкѣ человѣка, кто бы онъ ни былъ...

Йихавъ ляшокъ изъ Варшáвы,
Надúвъ сыни шаровары
И шабéльку у бока,
Не боиться мужика.
Йихавъ ляшокъ по-надъ лугомъ,
Ажъ тамъ оре мужикъ плугомъ;
Ляшокъ шапкы не здыймавъ,
«Помогай-Богъ» не сказавъ.
Мужыкъ ёго прывитавъ,
За чупрыну похытавъ.
— Та беры ты, хлопче, пýгу,
Та научы ляшугу,
Якъ шапочку здыйматы
Помогай Богъ казаты...
Йиде ляшохъ дорогою,
Ажъ такъ плыве гусь водою—
— «Помогай Богъ», била гусь!
Навчыла мя здѣшня Русь
Якъ шапочку здыйматы,
«Помогай Богъ» казаты...

И. Савченко.